

ИЗВѢСТІЯ

Туркестанскаго Отдѣла

ИМПЕРАТОРСКАГО

Русскаго Географическаго Общества.

ТОМЪ X. ВЫПУСКЪ I.

1914.

Подъ редакціей секретаря Турк. Отд. Имп. Рус. Геог. Общ. А. В. Панкова.

ТАШКЕНТЪ.

Типографія Я. П. Эдельмана.

1914.

Историко-этнографическая поездка въ Наманганскій уѣздъ Ферганской области*).

Развалины Ахсыкента. Слѣды язычества среди туземцевъ въ окрестностяхъ Чуста.

По порученію Туркестанскаго Отдѣла Импер. Геогр. Общ. въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ текущаго года я предпринялъ двѣ поездки для историко-этнографическихъ и спелеологическихъ изслѣдованій въ Ташкентскомъ и Наманганскомъ уѣздахъ. Отчетъ, который сегодня я имѣю честь представить собранію, заключаетъ въ себѣ историко-географическія изслѣдованія древней мѣстности Ахсы въ Ферганской обл., а также нѣкоторые остатки пережитковъ древней языческой религіи, которые мнѣ удалось отмѣтить среди туземцевъ въ окрестностяхъ Чуста.

Въ другомъ ближайшемъ засѣданіи я позволю себѣ познакомить васъ, М. Г. и М. Г-ни, съ научной постановкой изслѣдованій пещеръ за границей, съ ихъ значеніемъ и ролью, которыя онѣ играютъ въ исторіи народовъ, а также и съ результатами личныхъ моихъ спелеологическихъ изслѣдованій.

Впервые я познакомился съ мѣстностью Ахсы въ этомъ 1913 г. на Пасхѣ. О результатахъ своего бѣлаго осмотра развалинъ этой древней столицы Ферганы я уже имѣлъ честь сообщить членамъ Археологическаго Кружка въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій, но, какъ было мною указано въ этомъ засѣданіи, въ виду краткости времени, которымъ я располагалъ для осмотра этихъ развалинъ, я не имѣлъ возможности представить свой докладъ со всѣми данными. Вотъ почему,

*) Докладъ прочитанъ на засѣданіи Туркест. Отдѣла въ сентябрѣ 1913 года, Снимки съ фотографій, сдѣланныхъ авторомъ, не могли быть напечатаны по недостатку средствъ.

во время наступившихъ затѣмъ каникулъ и по порученію Туркестанскаго Отдѣла Имп. Геогр. Общества я вторично поѣхалъ въ Ахсы и подробно ознакомился съ этими замѣчательными развалинами, одновременно заручившись несомнѣнными историческими данными, касающимися этого города. На мѣстѣ вышеупомянутыхъ развалинъ мнѣ удалось найти и пріобрѣсти нѣсколько обломковъ и въ настоящемъ засѣданіи я предполагаю ознакомить присутствующихъ съ заслуживающими вниманія изъ собранныхъ мною свѣдѣній*).

Командированный въ февралѣ мѣсяцѣ 1885 года отъ Императорской Археологической Комиссіи, профессоръ С.-Петербургскаго университета Н. Н. Веселовскій нашелъ уже въ Ахсы много интересныхъ въ археологическомъ отношеніи предметовъ.

Въ подтвержденіе того, что развалины Ахсы заслуживаютъ полного нашего вниманія, я приведу здѣсь отчетъ вышеупомянутаго профессора-оріенталиста Веселовскаго о результатахъ поѣздки, который напечатанъ въ „Отчетѣ Импер. Археол. Комиссіи съ 1882—1888 годъ“.

„Обширныя развалины этого города—говоритъ профессоръ Веселовскій—лежатъ на правомъ берегу Сыръ-Дарьи; во время разливовъ берегъ постепенно смывается водою. Городъ существовалъ еще въ XV столѣтіи. Никто не обращалъ вниманія на эти развалины до 1884 г., когда тамъ случайно былъ найденъ кладъ, состоявшій изъ золотыхъ колецъ, браслетовъ и разныхъ другихъ вещей. Быстро разнеслась молва о найденныхъ сокровищахъ, народъ повалилъ въ Ахсы искать клады; приходили изъ мѣстъ, лежащихъ оттуда верстъ за сто, и прежде чѣмъ русское начальство успѣло принять мѣры къ охраненію разва-

*) Нѣсколько замѣтокъ объ Ахсыкентѣ появились впервые въ „Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1884 г. № 12.

„На правомъ берегу Дарьи, верстахъ въ двадцати отъ Намангана, недалеко отъ нынѣшняго кишлака Ахсы, принадлежащаго къ Чустскому уѣзду (теперь Наманганскому), указываютъ развалины, когда-то бывшаго на томъ мѣстѣ города Ахсы, существованіе котораго относится ко времени глубокой древности. Очевидцы, посѣтившіе эти мѣста, рассказываютъ, что у самаго берега Дарьи, на возвышенности ясно видны и теперь остатки кирпичныхъ стѣнъ и другихъ построекъ, занимающихъ большое пространство, несомнѣнно свидѣтельствующихъ о существовавшемъ здѣсь нѣкогда большимъ городѣ“.

линъ, хищники изрыли всю мѣстность и снова заровняли ее, чтобы скрыть свои поиски. Нѣкоторыя вещи были отобраны и представлены въ Ташкентскій музей, другія разошлись въ народъ и перешли въ руки серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ*)“.

Раскопки первоначально произведены г. Веселовскимъ въ той мѣстности, гдѣ былъ найденъ кладъ, и гдѣ, повидимому, находилась цитадель. Рабочіе были поставлены въ пяти мѣстахъ**).

Въ первомъ—на глубинѣ двухъ аршинъ попались стеклянные черепки и пузырькъ съ обломаннымъ бокомъ.

Во второмъ—разбитый глиняный свѣтильникъ, обломокъ мѣдной монеты и разбитыя водопроводныя трубы.

Въ третьемъ—на глубинѣ одного аршина найдены битыя стекляныя вещи, сломанный свѣтильникъ, глиняный черепокъ съ зеленой поливой и, на глубинѣ полутора аршина, человѣческій черепъ безъ другихъ костей. Еще глубже встрѣтились бусы и куски перержавѣвшаго желѣза. Затѣмъ открытъ уголъ двухъ стѣнъ зданія, сложенныхъ изъ шести рядовъ обожженаго и сырцоваго кирпича черезъ рядъ. На $1\frac{1}{2}$ аршина отъ южной стѣны отысканы еще два желѣзныхъ ножа и два человѣческіе черепа, лежавшіе теменемъ кверху; полъ былъ выложенъ большими квадратными кирпичами въ 7 вершковъ.

Въ четвертомъ мѣстѣ, на глубинѣ полутора аршина найдены—сферическій глиняный сосудъ, большая буса, мѣдная чашечка, кусокъ окислившейся мѣди, и значительное количество золы, указывающее на присутствіе очага. На глубинѣ двухъ аршинъ показался сложенный изъ жженаго кирпича полъ, выкрашенный красной краской и имѣвшій покатость на В. Съ задней стороны обнаружена стѣнка, выш. 10 вершк.

*) Изъ каталога Ташкентскаго музея видно, что, дѣйствительно, нѣсколько изъ этихъ предметовъ, какъ то: серебряное кольцо съ краснымъ камнемъ и съ надписью, золотой браслетъ дугообразный и золотой браслетъ проволоочный, витой поступили въ музей. Но, къ сожалѣнію, по наведеннымъ мною справкамъ оказалось, что вышеупомянутые предметы, столь цѣнные въ археологическомъ отношеніи, были украдены въ 1908 году.

**) Очѣнь жаль, что профессоръ Веселовскій не снабдилъ планомъ свой отчетъ, легче было бы ориентироваться и опредѣлить, гдѣ именно произведены были раскопки.

изъ 10 рядовъ обожженныхъ кирпичей на толстой глиняной смазкѣ. Ширина стѣнки въ одинъ кирпичъ до 4 вершковъ. Въ этомъ мѣстѣ подѣ поломъ найдены сначала корчага и цилиндрическій (1 арш. въ діаметрѣ) колодезь, а ниже, на глубинѣ $\frac{1}{2}$ арш. отъ полу, обнаружился глиняный, втуленный одна въ другую, трубы въ направленіи съ С.-З. на Ю.-В. Въ восточной половинѣ также оказался цилиндрическій колодезь**) и возлѣ него разбитая корчага; при расчисткѣ колодца найдена мѣдная монета. Подѣ каменнымъ поломъ шла сырцовая стѣна перпендикулярно первой.

Въ пятомъ мѣстѣ раскопокъ, гдѣ оказалось много водопроводныхъ трубъ, найдены мѣдное колечко, 3 мѣдныхъ монеты и стеклянная ручка отъ кувшина. На глубинѣ полутора аршинъ обнаружилась стѣна изъ обожженныхъ кирпичей.

Въ городѣ раскопки производились въ десяти различныхъ пунктахъ:

Въ одномъ — на В. отъ крѣпости, на глубинѣ двухъ аршинъ нашли разбитые горшки съ золою, угольями и костями, глиняную банку, въ которой оказались земля и кости, и глиняный горшокъ съ рыльцемъ. Затѣмъ обнаружили здѣсь цилиндрическій колодезь.

Въ другомъ пунктѣ, на С. отъ крѣпости, на глубинѣ 3-хъ арш. оказалась гончарная печь съ различными приспособленіями для обжига. Въ ней нашли до 20-ти свѣтильниковъ, еще не бывшихъ въ употребленіи, частью цѣлыхъ, частью разбитыхъ. Печь имѣла въ діаметрѣ 5 арш. 6 вершковъ.

Въ третьемъ мѣстѣ, на глубинѣ $\frac{3}{4}$ аршина нашли пять человѣческихъ череповъ, лежавшихъ въ безпорядкѣ; надъ ними была глиняная чашка, стоявшая вверхъ дномъ.

Въ четвертомъ пунктѣ, на глубинѣ 5-ти арш. обнаружилась пещера, направлявшаяся съ В. на З.; при этомъ найдены: граненное мѣдное кольцо, мѣдная монета и глиняная корчага.

**) Почтенный профессоръ повидимому ошибается называя колодцемъ, клозеты, типъ которыхъ столь характеренъ еще и теперь у туземцевъ.

Въ пятомъ пунктѣ, на Ю. отъ крѣпости, на глубинѣ 2¹/₂ арш. стали попадаться мѣдныя монеты, обломки мѣдныхъ вещей и сферическіе глиняные сосуды. Тутъ же оказалось много костей, окрасившихся въ зеленый цвѣтъ, и недалеко отъ нихъ большая корчага, наполненная землею.

Какъ видно изъ этого отчета, нигдѣ нѣтъ хотя бы приблизительныхъ указаній относительно очертанія крѣпости или города. Нѣтъ также общаго плана мѣстности, и вообще отчетъ далеко не даетъ яснаго представленія о томъ, что такое былъ Ахсыкентъ. Въ этому слѣдуетъ прибавить, что историческія свѣдѣнія объ Ахсыкентѣ, а также и географическія или совсѣмъ отсутствуютъ, или очень кратки и по существу мало освѣщаютъ интересующій насъ вопросъ^{*)}.

*) Благодаря любезному содѣйствію г. Вице-Предсѣдателя нашего археологическаго кружка Н. П. Остроумова, который въ первую мою поѣздку въ Наманганъ ѣздилъ со мною, чтобы собрать на мѣстѣ свѣдѣнія о развалинахъ Ахсыкента, а впоследствии перевелъ мнѣ съ сартовскаго болѣе подробныя и болѣе основательныя свѣдѣнія, касающіяся этого города Ахсы, мнѣ удастся въ переводѣ изложить вамъ нѣкоторыя интересныя историческія свѣдѣнія объ немъ, извлеченныя изъ разныхъ мусульманскихъ сочиненій.

1) „Ахсы (состоящій изъ четырехъ буквъ, какъ и арабское слово Махфи) есть имя одного города въ Мавараннагрѣ, въ Ферганской области, это самый лучший изъ другихъ городовъ“. (Эти свѣдѣнія извлечены изъ сочиненія—словаря „Бурхану каты“ 55 стр., весьма извѣстнаго у мусульманъ.

2) Ахсыкатъ былъ одинъ городъ въ Мавараннагрѣ, расположенный на восточномъ берегу Сыръ-Дарьи.

3) Въ извѣстномъ арабскомъ словарѣ „Камусъ-Ал'анъ“ на стр. 804-й значится: „Якуты Хамави упоминаетъ, что Ахсыкетъ былъ городъ въ Мавараннагрѣ (Ферг. области) и былъ окруженъ рвомъ, а въ какомъ положеніи онъ находился при жизни автора, объ этомъ неизвѣстно“.

Судя по тому, что написано въ „Тарихи Рашидъ“ слѣдуетъ заключить, что первоначальное основаніе города Ахсы было положено со стороны монгольскихъ хановъ въ 890 и въ 900 годахъ гиджры; нѣкоторое время гор. Ахсы служилъ столицею.

Омаръ-шейхъ-Мирза, изъ потомковъ амира Тимура, и Джанибекъ-Ханъ, изъ потомковъ Шейбани Хана, изъ этого города управляли своими подданными. Въ тѣ года городъ Ахсы былъ необыкновенно благоустроенъ. Въ продолженіе долгаго времени султанъ Абу-Саидъ, ханъ изъ монгольскихъ хановъ правилъ въ Кашгарѣ, а въ 918 г. гиджры (1512 по Р. Х.) Абдулла ханъ, правя нѣкоторое время въ Ахсы и Андижанѣ, завладѣлъ Самаркандомъ, Бухарой и Ферганой, а послѣ этого султанъ Абу-Саидъ-ханъ пошелъ съ большимъ войскомъ въ Кашгаръ и, завоевавъ его, правилъ Кашгаромъ до 939 года гиджры (1532-мъ по Р. Х.).

5) Ахсы былъ городъ, расположенный на восточномъ берегу Сейхуна въ Мавараннагрѣ. Ахсыкатъ былъ окруженъ рвомъ; садовъ и бахчей въ немъ было много.

Въ періодъ перваго благоустройства города постройки въ немъ были сдѣланы изъ кирпича, въ два или три этажа; предѣлы города простирались до города Касана. Вся дорога на протяженіи сорока верстъ между Хасаномъ и Аксы была занята строеніями и базарами, такъ что коза изъ Ахсы могла пройти по крышамъ до Касана.

Вотъ историческія свѣдѣнія, заимствованныя изъ сочиненій „Баберъ Намэ“, собранныя и изложенныя самимъ Баберомъ*):

„Ахсы въ кнгахъ пишутъ Ахсыкесъ, потому что поэта Асиръ-Эдина называютъ Асиръ-Эдиномъ Ахсекенскимъ. Въ Ферганѣ нѣтъ другого послѣ Андижана такого большого города. Онъ находится въ девяти агачахъ пути на западъ отъ Андижана. Умаръ-Шейхъ-Мирза

Изъ этого города происходилъ одинъ очень извѣстный и славный ученый Якутъ-Хамави.

Въ сочиненіи Якута-Хамави подробно изложено, что было впослѣдствіи въ этомъ городѣ, а въ настоящее время на мѣстѣ города Ахсы находятся слѣдующіе кишлаки: Джанджалъ, Найманча, Хахиданъ, Худжандъ, Казакъ-аулъ, Кушкиръ-агачъ, Бардинъ-куль, Чарбакъ, Бурама, Каль-кишлакъ, Туртъ-мазаръ и Кухна-Шахинатъ. Слѣды крѣпости и дворца сохранились до настоящаго времени.

6) Въ рисалѣ Хазрета Лянгаръ-баба-Азиза такъ разсказывается исторія древняго Ахсы: „Первое основаніе Ахсыкента положилъ иранскій царь Нуширванъ-Адилъ.

Въ 521 году христіанскаго лѣтосчисленія сынъ Нуширвана-Хурнисъ сдѣлалъ Ахсы столичнымъ городомъ и въ немъ правилъ. Послѣ 1333 года христіанскаго лѣтосчисленія во время сильнаго разлива Сыръ-дарьи, произошло землетрясеніе, и вода Дарьи залила степь, прилегающую къ Ахсы и тогда городъ былъ разрушенъ“.

Въ настоящее время при раскопкахъ попадается много удивительныхъ вещей, какъ то: остатковъ бань, мадрасъ и каравансараевъ.

Теперь Ахсы находится въ двухъ мѣстахъ: одно изъ нихъ называется „Старымъ Ахсы“, а другое „Новымъ Ахсы“ т. е. жители оставшіеся послѣ разрушенія стараго Ахсы убѣжали отъ рѣки, въ сторонѣ Касана на возвышеніи степи основали жилища и появилось много кишлаковъ; теперь въ Новомъ Ахсы получилась цѣлая волость, заключающая въ себѣ 12 кишлаковъ и еще одинъ кишлакъ съ базаромъ называемый Шаягандъ.

Что касается стараго Ахсы, то старые люди устно передаютъ о немъ много удивительнаго и страннаго.

На основаніи этихъ разсказовъ записано, что древній Ахсы былъ разрушенъ въ 1030 г. христіанскаго лѣтосчисленія. Послѣ того никто изъ царей и жителей не возстановлялъ благоустройства города. Земледѣльцы и торговцы дровами находили тамъ разные предметы и брали ихъ себѣ, напр.: мѣдную утварь, стеклянные сосуды и разные камни. Много земли обрушилось въ Дарью. И въ настоящее время очень много кирпичей жители берутъ себѣ на постройки изъ развалинъ древнихъ строеній гор. Ахсы.

) Переводъ этихъ записокъ находится въ журналѣ „Ежегодникъ Ферганской области“ за 1904 годъ т. III, С. И. Полякова. Онъ напечатанъ въ № 48 „Туркестанской Туземной Газеты“.

сдѣлалъ его столицей. Рѣка Сейхунъ протекаетъ подъ крѣпостью, которая стоитъ на краю высокаго обрыва. Глубокіе овраги замѣняютъ собою крѣпостные рвы. Умаръ-Шейхъ-Мирза, который сдѣлалъ городъ столицей, нѣсколько разъ рылъ новые овраги, подальше.

„Въ Ферганѣ нѣтъ болѣе недоступной крѣпости, чѣмъ эта. Кварталы расположены немного далѣе одной, „шари“ *) отъ города. Поговорка: „гдѣ деревня, гдѣ деревья“, вѣроятно, говорится про Ахсы. Дыни здѣсь хороши. Есть одинъ сортъ дынь, называемый „миръ-шимури“. Едва-ли въ мірѣ найдутся другія такія дыни. Бухарскія дыни славятся, но когда я (Баберъ) взялъ Самаркандъ, я приказалъ доставить дыни ахсынскія и бухарскія и разрѣзалъ въ одномъ собраніи; нѣтъ ничего подобнаго ахсынскимъ.

Охота на птицъ очень хороша; на ахсынской сторонѣ рѣки Сейхуна есть степь, на которой много звѣря; а андижанская сторона представляетъ заросли, гдѣ находятся маралы, фазаны и зайцы; всѣ очень жирные.

Подобно андижанской водѣ, которая идетъ изъ Оша, ахсинская вода идетъ изъ Касана.

Касанъ находится на сѣверѣ отъ Ахсы, городъ небольшой, мѣсто съ хорошимъ климатомъ, такъ что между жителями Оша и Касана существуетъ соревнованіе относительно климата и пріятности ихъ городовъ.

Ферганскій ханъ Умаръ-Шейхъ-Мирза, сдѣлавшій Ахсыкентъ своей столицей, родился въ Самаркандѣ въ 860 году и былъ четвертымъ сыномъ Абу-Саидъ-Мирзы, моложе Султана Ахмадъ-Мирзы.

Выше было сказано, что крѣпость Ахсы стоитъ на высокомъ обрывѣ; зданія находились по краямъ овраговъ. И вотъ въ то время, когда Султанъ Ахмадъ-Мирза и султанъ Махмудъ-ханъ привели войска на Умаръ-Шейхъ-Мирзу, случилось знаменательное событіе. Въ понедѣльникъ 4 рамазана 899 году гиджры (1493—1494 г. по Р. Х.) Умаръ-Шейхъ-Мирза сорвался внизъ съ голубыми съ обрыва и погибъ. Въ это время онъ былъ 39-ти лѣтъ.

*) Приблизительно 1 $\frac{1}{2}$ версты.

Потомками послѣ Умаръ-Шейхъ-Мирзы остались три сына и пять дочерей. Изъ всѣхъ сыновей старшій былъ Загира-Этдинъ-Мухамадъ-Баберъ.

Во время катастрофы съ Умаръ-Шейхъ-Мирзой Баберъ былъ въ Андижанѣ, въ Чаръ-багѣ. Во вторникъ 5-го рамазана извѣстіе достигло Андижана*).

Въ 911 году Баберомъ былъ взятъ городъ Кабулъ, нѣсколько позже битва при Панипата (городъ расположенный въ 10 миляхъ отъ Дели) отдала Баберу Индію. Послѣ взятія Дели онъ провозгласилъ себя индійскимъ императоромъ и положилъ основаніе династіи Великихъ Моголовъ, имперія которыхъ просуществовала до 1857 года.

Баберъ умеръ въ окрестностяхъ Агры 26 декабря 1535 года; лежа послѣднія минуты на смертномъ одрѣ, онъ сказалъ: „Не убивайте братьевъ своихъ, заботьтесь о нихъ съ любовью“. По завѣщанію прахъ Бабера привезли въ Кабулъ.

Гробница знаменитаго императора находится въ одной изъ лучшихъ окрестностей близъ Кабула, на возвышеніи, съ котораго открывается очаровательный видъ на городъ, рѣку сады и поселенія. Мѣсто указано было самимъ Баберомъ, и здѣсь-же, рядомъ съ нимъ, погребены всѣ члены его семейства. На мраморной плитѣ, положенной надъ прахомъ великаго завоевателя, вырѣзана слѣдующая надпись: „У вратъ небесныхъ спросилъ Ризванъ о днѣ кончины и получилъ въ отвѣтъ: на небѣ будетъ вѣчное жилище султана Бабера“. Вокругъ гробницы Бабера разведенъ цвѣтникъ, обнесенный мраморной стѣной и орошаемый ручьемъ. Здѣсь и въ праздничные дни и въ дни молитвы собираются мусульманскіе жители Кабула, и эта часть города составляетъ любимѣйшее мѣсто ихъ гулянья. Императоръ Шахъ-Джеганъ выстроилъ въ 1640

*) Со дня смерти отца, Баберу пришлось отбивать у алчныхъ родственниковъ отцовское наслѣдство. Борьба была продолжительная, Баберъ часто одерживалъ полныя побѣды, но его благородство не встрѣчая такового-же со стороны враговъ, помѣшало ему утвердиться въ Ферганѣ. И вотъ въ 1505 году Баберу пришлось оставить Фергану. (См. Ист. Туркестана Н. Г. Павлова). Отступленіе Бабера было очень послѣдно, удался онъ изъ Ферганы матеріально въ большой нуждѣ.

году, послѣ торжества своего въ Балхѣ и Бадахтанѣ, небольшую мечеть передъ самою гробницею Бабера „для того, чтобы бѣдные мусульмане могли тутъ молиться и вспоминать о подвигахъ великаго императора“. Императоръ Шахъ-Джеганъ построилъ тутъ-же свой лѣтній дворецъ и развелъ вокругъ великолѣпные сады°).

Такимъ образомъ скромный Ахсыкентскій властелинъ, Захиръ-Эддинъ-Баберъ, непризнанный вожь маленькаго Ферганскаго вилайета, поднялся на такую степень могущества, что послѣ своей смерти онъ оставилъ прочное государство, заключающее въ себѣ Афганистанъ и сѣверную провинцію Индіи до Гагры, притока Ганга.

Послѣ ухода изъ Ферганы султана Бабера, въ 1505 г., говоритъ преданіе, его сынъ Алтунъ-Бишикъ, воспитанный родомъ Мингъ и присвоившій впоследствии имя этого рода себѣ фамиліей, по совершеннолѣтіи, жилъ въ Ахсы, пользовался почетомъ и титуловался Биемъ, (см. Исторію Туркестана Н. Г. Павлова).

Въ своемъ трудѣ: „Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія“, часть 2-я, стр. 162 проф. В. Бартольдъ пишетъ, что городъ Ахсыкентъ простирался, вѣроятно, вдоль берега рѣки или въ окрестности на три фарсаха.

Дальше на стр. 301 В. Бартольдъ пишетъ, что въ 417 году гижри (1026—1027) Туганъ-ханъ владѣлъ Ахсыкентомъ, гдѣ чеканились монеты съ его именемъ.

Съ 420 года (1029) на монетахъ, чеканенныхъ въ Ахсыкентѣ, встрѣчается имя Бадырь-ханъ.

Извѣстный арабскій географъ и компиляторъ Абхуль-Феда даетъ слѣдующія свѣдѣнія, мною переведенныя съ французскаго:

Ахсыкатъ по Атвалю находится на 91° 20' долготы 42° 25' широты; по другому автору на 92° долготы и 42° широты, въ пятомъ климатѣ (поясѣ), въ Ферганѣ.

По Ибнъ Хаукалю Ахсыкатъ—городъ, расположенный на берегу рѣки Шаша. Почва его однообразна. Приблизительно въ одномъ фарсахѣ

*) См. Туркест. Сборникъ № 287.

отъ него возвышаются горы. Ахсыкатъ находится къ сѣверу отъ рѣки Шаша. Онъ составляетъ часть Ферганы.

Въ „Лобаѣ“ говорится, что Ахсыкатъ принадлежитъ Ферганѣ.

Въ „Банунѣ“ говорится, что этотъ городъ—главный городъ Ферганы.

По Макдиси Ахсыкетъ былъ въ полтора раза больше извѣстнаго палестинскаго города Рамлы; о послѣднемъ говорится, что его ширина равнялась одной милѣ, длина—нѣсколько больше. Въ окрестностяхъ города еще на 2 фарсаха тянулись сады; на другомъ берегу рѣки находились луга и пастбища, за ними—пески, на пространствѣ одного перехода.

Ибнъ-Хаукаль и Макдиси, говоритъ профессоръ В. Бартольдъ, различаютъ въ городѣ Ахсыкентѣ цитадель, шахристанъ и рабадъ.

Цитадель по Ибнъ-Хаукалю находилась въ Шахристанѣ, по Макдиси—въ рабадѣ. Въ цитадели помѣщались дворецъ и тюрьма; соборная мечеть—въ шахристанѣ, рядомъ съ цитаделью, какъ въ Самаркандѣ и Бухарѣ; мѣсто праздничной молитвы—на берегу Сыръ-Дарьи; базары—въ шахристанѣ и въ рабадѣ, при чемъ базары шахристана отличались большей обширностью.

Шахристанъ имѣлъ пять воротъ; изъ нихъ мы знаемъ названіе четырехъ: Мердкусійскія (какъ въ Бухарѣ), Касанскія, ворота соборной мечети и ворота залога (рихана).

Шахристанъ былъ орошаемъ множествомъ каналовъ, впадавшихъ въ красивые хаузы; берега послѣднихъ были выложены кирпичемъ и известью, Зданія были выстроены изъ глины; главныя зданія находились въ шахристанѣ.

Съ южной стороны Ферганы, Ахсыкентъ былъ соединенъ нѣсколькими дорогами. Существовалъ прямой путь изъ Боканда въ Ахсыкентъ; черезъ степь и пески (7 фарсаховъ) по этой дорогѣ приходили къ „воротамъ Аксыкета“, потомъ переправлялись черезъ рѣку. (Изъ этого можно заключить, что часть Ахсыкентскаго рабада находилась на южномъ

берегу Сыра*). Можно было также идти изъ Коканда въ Бабъ (нынѣ Папъ) 5 фарсаха и оттуда въ Ахсыкетъ—4 фарсаха.

Другая дорога соединяла Ахсыкетъ съ городомъ Ходжентомъ черезъ Бабъ или Папъ (4 фарс.), Турмуканъ (3 фарс.) Ходжистанъ (5 фарс.) Самгаръ (4 фарс.) Ходжентъ (5 фарс.).

Третья дорога вела въ городъ Касанъ на берегу рѣки того-же названія, въ 5-ти фарсахахъ къ сѣверу отъ Ахсыкета.

По Идрисси (см. франц. изданіе переводъ съ арабскаго г. Жобе-ра) Фергана есть имя обширной провинціи, которая сверхъ многочисленныхъ селъ насчитываетъ 7 городовъ, изъ которыхъ главный Ахсыкатъ, выстроенный на берегу рѣки Шашъ въ равнинѣ, въ полута-рахъ миляхъ отъ горы. Онъ расположенъ къ сѣверу отъ рѣки и заклю-чается въ себѣ предмѣстье, хорошо населенное. Можно видѣть базары, какъ въ предмѣстьѣ, такъ и въ городѣ, но большая часть ихъ нахо-дится въ городѣ, улицы котораго поливаются текущей водою или укра-шаются многочисленными водоемами. По другую сторону рѣки виднѣется множество луговъ и пастбищъ. Пески начинаются на разстояніи одного дня отсюда**).

Въ географическомъ трудѣ Аджайбъ-Уль-Табакатъ, посвященномъ одному изъ правителей Мауранагра Надыръ Мухаммаду и написанномъ Мухаммадомъ Тахуномъ, сыномъ Абдулъ Касыма, имѣется слѣдующее описаніе:

„Въ 1030 году (1620—1621) отъ бѣгства пророка (Мухаммада) въ вилайетѣ (округѣ) Ахсы произошло народное бѣдствіе: случилось та-кое землетрясеніе, что выброшенные воды рѣки Сыръ-Дарьи разлились по окраинѣ прилегающей къ рѣкѣ степи, и вынесенныя водою рыбы, оставшіеся на сушѣ бились, трепетали и дохли. Огромныя деревья выры-вались съ корнемъ и падали на землю. Зданія отъ сильнаго и частаго сотрясенія земли рушились, такъ что много народа осталось подъ раз-валинами жилищъ и погибло; у многихъ поломаны были руки и ноги.

*) См. Бартольдъ стр. 162.

**) См. Турк. Вѣдомости 1902 г. № 102. В. В.

Скотъ, убѣгая въ страхѣ, направлялся въ степь и разбѣжался. „Благородные и чернь этимъ событіемъ введены были въ предположеніе, что обнаружился часъ свѣтопреставленія, и каждый сталъ раскаиваться въ грѣхахъ и взывать къ трону Всемогущаго Царя о прощеніи. Въ теченіе шести мѣсяцевъ продолжалось такого характера землетрясеніе; въ первый день количество сотрясеній доходило до семидесяти.

„Удивительно то, что самое жестокое землетрясеніе происходило внутри крѣпости Ахсы, въ окрестныхъ же селеніяхъ—слабѣе, а въ разстояніи одного фарсанга (8 верстъ) отъ города ни малѣйшаго отголоска его не было слышно. Авторъ этихъ строкъ былъ очевидцемъ описаннаго происшествія.

„Вслѣдъ за тѣмъ тюрками мученически былъ убитъ одинъ сеидъ, казій тамошній (изъ Ахсы), а населеніе разграблено ими“.

* * *

Таковы свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось собрать. Какъ видно изъ литературнаго матеріала мною вышеизложеннаго, точныхъ указаній относительно возникновенія города Ахсы нѣтъ.

Показанія хазрета Лянгаръ баба Азиза о томъ, что основаніе Ахсыкенту положилъ иранскій царь Нуширванъ Адиль (въ началѣ VI-столѣтія послѣ Р. Х.) имѣетъ несомнѣнно больше вѣса, чѣмъ указанія, напечатанныя въ 53-мъ номерѣ Туркестанской туземной газеты сего года, въ силу которыхъ городъ Ахсы будто бы основанъ царемъ Карванъ-Бахшемъ въ 1001 году христіанскаго лѣтосчисленія, или же монгольскимъ ханомъ въ 890—900-хъ годахъ гиджры (1485—1494). (См. въ „Тарихи-Рашидъ“). Всѣ эти числа относительныя, но очевидно, что начало возникновенія Ахсы надо искать въ глубочайшей древности; возможно даже допустить, что неоднократно онъ былъ разрушенъ разными стихійными явленіями, какъ-то: наводненіями, землетрясеніями, а кромѣ того войнами. Городъ этотъ возобновлялся на развалинахъ стараго, оставляя каждый разъ слѣды прежняго своего существованія. Такъ напр., мною замѣчены культурные слои на глубинѣ 12—15 метровъ.

Интересно отмѣтить, что согласно нѣкоторымъ историческимъ даннымъ моментъ наивысшаго процвѣтанія города Ахсы совпадаетъ съ вышеупомянутыми эпохами въ XI и въ XV столѣтій. О времени же его разрушенія мнѣнія тоже расходятся: по нѣкоторымъ даннымъ онъ разрушенъ—въ 1030 году по Р. Х., по другимъ—въ 1333 году и наконецъ по третьимъ—въ началѣ XVII столѣтія (1620 г.), но вездѣ указываютъ, какъ причину разрушенія города, на землетрясеніе.

Какъ бы тамъ ни было, вотъ въ какомъ видѣ я нашелъ эти развалины во время моихъ обѣихъ поѣздокъ, въ апрѣлѣ и въ іюнѣ мѣсяцахъ сего года.

Развалины города Ахсыкента, Ахсыката или просто Ахсы, бывшаго въ разное время столицей Ферганы, расположены на правомъ берегу рѣки Сыръ-Дарьи, верстахъ въ 20-ти отъ Намангана и въ 5-ти верстахъ отъ желѣзнодорожнаго полустанка Джанжала. Площадь, занимаемая развалинами, непосредственно прилегаетъ къ нахотнымъ полямъ селеній Каль-кишлакъ и Шаханда. Городъ Ахсы по рассказамъ мѣстныхъ жителей нѣкогда обнималъ до 15-ти окрестныхъ кишлаковъ, начиная на западѣ съ кишлака Джанжала до Шаханда на востокѣ и отъ Сыръ-Дарьи на югъ до кишлака Янбама на сѣверѣ (см. планъ). Центромъ этого огромнаго пространства являлся кишлакъ Браматутъ, или Бурматутъ; оно и понынѣ такъ густо населено, что трудно сказать, гдѣ кончается одинъ кишлакъ, и гдѣ новый начинается. Тѣмъ не менѣе, съ увѣренностью можно сказать, что настоящій Ахсы простирался вдоль берега рѣки верстъ на 6, можетъ быть, начиная отъ южной части кишлака Джанжала, и кончая въ кишлакѣ Шахандѣ. Браматутъ, непосредственно прилегающій къ Ахсы, могъ быть его предметемъ. Жители этихъ кишлаковъ говорятъ, что при распахкѣ поля, попадаются иногда разные обломки посуды или кирпичей. Вышеупомянутую площадку жители называютъ Иски-Ахсы т. е. Древній Ахсы. Это, по моему мнѣнію, не совсѣмъ точно. Именемъ Иски-Ахсы, какъ показалъ мнѣ подробный мой послѣдній осмотръ, можно только называть западную часть этой территоріи, начиная отъ крѣпости и до имѣнія Ахсы-

Шахандскаго волостнаго управителя Абду Каххара Ишъ Мухаммедова, близъ Джанджала, т. е. полосу земли, которая примыкаетъ къ низменности прежняго русла Сыръ - Дарьи, нынѣ занимаемаго рисовыми полями.

Возможно даже, что подмытый нѣкогда Дарьей берегъ обрушился, измѣняя прежнее свое очертаніе, тогда какъ самая рѣка обмелѣвши отошла нѣсколько дальше. Центромъ этого древняго города, кажется, была та площадка, на которой выстроены Каль-кишлакъ. Это предположеніе я основываю на множествѣ обломковъ сосудовъ, кирпичей и прочихъ предметовъ, мною найденныхъ у подножія обрывовъ на юго-западѣ отъ вышеупомянутаго кишлака и даже по дорогѣ въ поляхъ между этимъ кишлакомъ и Шаханда. Что этотъ городъ очень древній, видно изъ того, что нѣкоторые предметы, какъ-то: обломки сосуда изъ глины грубой отдѣлки и человѣческія кости напр. большая берцовая (*tibia*) были мною найдены въ пунктѣ *a* на глубинѣ 12—15 метровъ. Въ верхнихъ слояхъ стѣны обрыва торчали человѣческія кости, а также кости животныхъ рядомъ съ осколками стекла или кувшина. Забравшись выше въ такъ сказать, стѣну обрыва, въ пунктѣ *c* я замѣтилъ было большое углубленіе, нѣчто въ родѣ грота; стѣны грота состояли изъ нѣсколькихъ слоевъ песка въ перемѣшку съ мелкой галькой, сводъ лессовой. Спустившись вновь, обошли выдающійся выступъ обрыва, у подножія котораго попадались мелкіе черенки, и дошли до самой низменности, сплошь покрытой рисовыми полями. Отсюда видъ на обрывъ представлялъ замѣчательныя картины. Въ отвѣсномъ обрывѣ высотой до 15 саженъ, образовались глубокіе овраги разной ширины; они прорѣзываютъ лессъ въ разныхъ направленіяхъ, образуя цѣлые лабиринты, напоминающіе въ маленькомъ масштабѣ сѣверо-американскіе каньоны или фюрдобразныя вырѣзки. Процессъ размыванія, отчасти и вывѣтриванія лессовыхъ уступовъ образуетъ характерные лессовые столбы самой разнообразной формы. Страшно подумать, что здѣсь на вершинѣ этого огромнаго лессоваго столба нѣкогда стояли постройки жителей мертваго города Ахсы.

Всевозможные обломки, попадающіеся у подножья этихъ лессовыхъ столбовъ, являются нѣмыми свидѣтелями этого давно минувшаго времени. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь, подъ этимъ лессомъ погребено нѣскольکو очаговъ культуры, покоящихся одинъ на другомъ. Нынѣ они занесены отчасти лессомъ или пескомъ, отчасти разными наслоеніями и отложеніями послѣдующихъ вѣковъ.

Образованіе вышеупомянутыхъ овраговъ происходитъ двумя способами: подъ сильнымъ напоромъ водяныхъ потоковъ лессъ размывается, углубляя все больше и больше канаву, по которой они текутъ, расширяя берега, пока не доходятъ до равныхъ площадей, гдѣ они осаждаютъ захваченныя частицы лесса и разбираются по рисовымъ полямъ. Второй способъ образованія овраговъ заключается въ томъ, что вода арыковъ, ниспадающая съ лессовыхъ утесовъ, ихъ быстро размываетъ, образуя одновременно небольшіе водопады, которые углубляя русло канавъ, подтачиваютъ ихъ края, и съ теченіемъ времени превращаютъ ихъ въ овраги. Большинство этихъ овраговъ лѣтомъ высыхаетъ и на днѣ ихъ, но только въ Ахсыкентѣ, можно найти осколки битой посуды, стекла и прочіе обломки, не исключая монетъ, занесенныхъ, повидимому, изъ обмытыхъ прослоекъ земли (см. планъ Иски-Ахсы).

Наконецъ, случается, что водяные потоки, ниспадая съ высокихъ лессовыхъ уступовъ образуютъ глубокіе провалы, (въ пунктахъ f на планѣ), кажущіеся безъ выхода. Вода благодаря пористости лесса проникаетъ все глубже и глубже, пока не найдетъ болѣе непроницаемыхъ пластовъ. Тогда пробиваясь черезъ болѣе мягкія породы, она по горизонтальному направленію выходитъ наружу, именно у подножія обрыва. (Источники никогда не вытекаютъ изъ середины лессовыхъ толщъ). Таковъ въ общихъ чертахъ процессъ образованія тѣхъ многочисленныхъ источниковъ, которые вытекаютъ изъ подъ высокихъ обрывовъ Ахсыкента.

Иногда въ вертикальномъ обрывѣ выдѣляется совершенно круглый столбъ (въ пунктѣ d на планѣ) аршина два въ діаметрѣ. Можно было бы принять такіа колонны за лессовые столбы, если бы не знали, что

тамъ на верху когда-то былъ городъ, и что эти столбы—ничто иное какъ клозеты. Въ нихъ и бросаютъ иногда мусоръ, вотъ почему въ Ахсы, въ одномъ изъ этихъ клозетовъ мнѣ удалось видѣть осколки стекла. Тамъ же у обрыва, среди кучи осыпавшейся земли мною было найдено нѣсколько предметовъ: осколки битой посуды, дѣтскія игрушки изъ глины, бусы и одна монета съ изображеніемъ царя Бухаръ-Худатъ. Вокругъ головы имѣется надпись, на обратной сторонѣ символъ. Въ самомъ концѣ развѣтвленія большого оврага, въ пунктѣ с среди небольшихъ лессовыхъ терассъ мною были замѣчены кости. Пройдя дальше подъ лессовымъ портикомъ, и въ самомъ лессѣ я видѣлъ разбитую корчагу, а надъ ней человѣческія кости; опасаясь, какъ бы этотъ лессовый сводъ не обрушился, я не могъ извлечь торчащія кости, но снялъ размѣры корчаги по опечатку оставленному на землѣ. Они слѣдующіе: высота 54 сант., діаметръ 70 сант. толщина отъ 5—7 сант.

Немного далѣе въ самомъ обрывѣ и посрединѣ его, почти на равномъ разстояніи отъ верха и отъ низа, т. е. приблизительно на два аршина сверху и на три аршина снизу, видны были другія корчаги, но опрокинутыя и какъ бы правильно отсѣченные снизу, т. е. безъ дна, такъ что получалось сквозное отверстіе; на нихъ, какъ это ни странно, опять таки лежали человѣческія кости. Снявъ размѣры корчаги, въ которой ничего не было кромѣ земли, а также и захвативъ нѣсколько ея обломковъ, я двинулся дальше. Достать черепа не удалось; для этого пришлось бы произвести правильныя раскопки, а на это у меня средствъ не хватило бы. Дальше, въ отвѣсной стѣнѣ обрыва и на глубинѣ одного метра отъ поверхности земли, видны были втуленные одна въ другую трубы въ направленіи съ З. на В.

Поднявшись наверхъ, я очутился на задахъ послѣднихъ домовъ Каль-кишлака; тутъ были сады фруктовые и обработанныя поля; дальше, слѣдуя по оврагу сверху до большого обрыва, замѣтны были слѣды высокаго вала. Множество обломковъ сырцовыхъ кирпичей, которые здѣсь попадались, указывали, что тутъ раньше была стѣна; на склонѣ этого вала и дальше по юго-восточному направленію попадалась масса разбитой на мелкіе куски посуды.

Наконецъ показался широкій и глубокий новый оврагъ, на днѣ котораго протекалъ еще недавно потокъ. Этотъ оврагъ, по моему мнѣнію, и отдѣляетъ Иски-Ахсы (старый Ахсы) отъ новаго Ахсы, городъ живыхъ отъ города мертвыхъ, или, какъ мнѣ говорилъ одинъ туземецъ, „шааръ“ (городъ)—отъ „гулистана“ (кладбище)“. Возможно, что это мѣсто служило кладбищемъ новому Ахсы послѣ исчезновенія стараго Ахсы.

По наружному осмотру развалины Ахсы, именно того города, о которомъ такъ часто упоминается, какъ въ запискахъ султана Бабера, такъ и у арабскихъ географовъ-историковъ представляютъ слѣдующій видъ:

На самомъ берегу Сыръ-Дарьи, высоко надъ рѣкой, простирается огромная площадка, сплошь покрытая обломками. Это оголенное мѣсто, въ видѣ прямоугольника, непосредственно прилегаетъ къ пахотнымъ полямъ селеній Каль-кишлакъ и Шаханда. Съ трехъ сторонъ площадка эта окружена глубокимъ и широкимъ рвомъ, четвертая сторона обращена къ рѣкѣ, которая мѣстами подмываетъ ея основу. Контуры этого прямоугольника высоко поднимаются надъ окружающей равниной и сохранили до сихъ поръ ясные слѣды толстыхъ стѣнъ, снабженныхъ башнями. Сѣверная часть городскихъ стѣнъ имѣетъ до 1.100 шаговъ протяженія. Стѣны и рвы восточнаго и западнаго фронтовъ имѣютъ до 750 шаговъ въ длину. Число болѣе или менѣе замѣтныхъ башенъ можно опредѣлять до сорока. Сравнительно хорошо сохранились слѣды 10 башенъ восточнаго фронта, расположенныхъ шаговъ на 50 другъ отъ друга. Часть башенъ сѣвернаго фронта также замѣтна, но въ западномъ фронтѣ онѣ мало замѣтны. Что касается до южнаго фронта, упирающагося въ подмытый рѣкою берегъ, то отъ него, если онъ и былъ, не осталось никакихъ слѣдовъ.

Изъ подробнаго осмотра развалинъ я вынесъ впечатлѣніе, что городъ Ахсыкентъ раздѣлялся на 3 части, отдѣленные другъ отъ друга глубокимъ рвомъ.

1-я часть—цитадель, тутъ же и дворецъ—это самая выдающаяся часть площадки. Отсюда открывается чудный видъ на противоположный берегъ, отстоящій сажень на 20 ниже, такъ что Ферганская равнина съ Кокандскимъ оазисомъ видна, какъ на ладони. Кругомъ возвышаются горы со снѣговыми вершинами, которыя опоясываютъ Фергану. Здѣсь же въ пяти мѣстахъ профессоромъ Веселовскимъ были сдѣланы пробныя раскопки. Обнаружены были стѣны зданія, сложенныя изъ шести рядовъ обожженаго и сырцоваго кирпича, полъ изъ жженаго кирпича, выкрашенный красной краской и пр. (см. выше отчетъ г. Веселовскаго).

2-я часть—городъ простирался вокругъ первой; она являлась центральной частью и въ свою очередь окружена была стѣной и глубокимъ рвомъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что въ этой части находились лучшiя строенiя (по словамъ Бабера, зданiя находились по краямъ овраговъ). Тутъ же были соборная мечеть, тюрьма, быть можетъ монетный дворъ*), сады съ красивыми хаузами (по Ибнъ Хаукалю берега ихъ выложены были кирпичемъ), слѣды арыковъ, проводившихъ воду въ эту часть города вплоть до крѣпости, особенно видны въ сѣверо-восточной части.

3-я часть. Эта часть города, самая многочисленная, простиралась вокругъ предыдущихъ. Базары, сады, лавки, мастерскiя занимали всю эту площадку въ которой еще виднѣются большiя водяныя промоины, усыпанныя всевозможными обломками. Она окружена послѣднимъ широкимъ оврагомъ. На краю оврага замѣтны слѣды широкой стѣны съ вышеупомянутыми башнями.

Вся эта площадь сплошь усыпана обломками глиняныхъ сосудовъ, кирпича и т. п. Здѣсь найдены были туземцами мѣдныя монеты, которыя я и представляю здѣсь на засѣданiи; онѣ настолько окислились, что надпись стерлась, и видны только рѣдкiя отдѣльныя буквы

*) На нѣкоторыхъ монетахъ найденныхъ въ развалинахъ Ахсыкента значилось, что онѣ были отчеканены въ немъ.

куфическаго характера. Одинъ мѣдный фельсъ*), мною найденный, оказался послѣ очистки настолько хорошо сохранившимся, что Александру Александровичу Семенову удалось разобрать слѣдующую надпись:

Посрединѣ мусульманскій символъ: „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога Единого и нѣтъ у Него товарища“. Вокругъ этой надписи идетъ еще слѣдующая: „во имя Бога чеканенъ этотъ фельсъ въ Ахсекетъ**) въ годъ 330-й“ (942 по Р. Х.).

Посрединѣ выбито: „Аллахъ Мухаммедъ, посолъ Господень“. Вокругъ этой надписи идетъ слѣдующая: „Изъ того, что приказалъ ему, (повидимому, намѣстнику Ахсыкета), Эмиръ Сейдъ Насръ, сынъ Ахмеда-Имамъ-Уллаха“; т. е. этотъ фельсъ чеканенъ при Насрѣ второмъ, сынѣ Ахмеда, саманидскомъ государѣ, правившемъ въ Мавера-ун-Нахрѣ въ 301—331 (914—943) годахъ.

Здѣсь же былъ найденъ серебряный дирхемъ***), переданный мнѣ Наманганскимъ уѣзднымъ начальникомъ капитаномъ Богаевскимъ. На немъ, по опредѣленію Ал. Ал. Семенова, значится слѣдующее: въ срединѣ, въ трехъ строкахъ, выбито: „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога единого и нѣтъ у Него сотоварища“. Вокругъ этого идетъ надпись: „Во имя Божіе чеканенъ этотъ дирхемъ въ (городѣ) С (стерто дальнѣйшее) въ 480 году“ (1087—1088 г. по Р. Х.).

. . . Посолъ Господень . . . Аллахъ-Мукта-ди . . . Абуль-Музафаръ. Мхд (по Тизенгаузену „Монета Восточнаго Халифата“ Спб. 1873, стр. 357), это, неопредѣленное до сего надписаніе, означаетъ имя неизвѣстнаго города). Вокругъ этой легенды идетъ слѣдующая надпись: „Мухаммедъ—посолъ Господень, Онъ послалъ Его съ руководствомъ и върою истиннаго, чтобы возвеличить ее надъ всѣми религіями, не смотря на сопротивленіе многобожниковъ“.

*) Названія мѣдныхъ монетъ, заимствованныя арабами отъ византійцевъ (Ср. греческое).

**) Ахсекъ—онъ-же Ахсикетъ.

***) Отъ греческой драхмы—серебряная монета.

Въ 480 г. Гиджры правилъ аббасидскій халифъ Абдуллахъ-ал-Муктади би-амриляхъ, сынъ Мухаммеда - ибн - ал - Каима (467—487 гиджры) (1075—1094).

Пробныя раскопки, сдѣланныя мною на сѣверъ отъ крѣпости, на краю второго рва, дали много матеріала; на глубинѣ полутора аршина найдено было нѣсколько десятковъ свѣтильниковъ (чираковъ) разныхъ типовъ. Они другъ отъ друга отличались цвѣтомъ поливки, а также и формою, нѣкоторые были граненые, нѣкоторые съ арабскими надписями съ однимъ рожкомъ для фитиля, но все болѣе или менѣе разбиты. Здѣсь же попадались шлаки, куски разноцвѣтной пасты стекла и обломки сосудовъ съ явными слѣдами затвердѣвшей въ нихъ разноцвѣтной поливы, что указываетъ на близость завода или печки для производства стекла, а также и гончарной печи.

Тутъ же были мною найдены обломки посуды изящной отдѣлки съ разноцвѣтной поливой съ оригинальными рисунками и надписями; на нѣкоторыхъ фрагментахъ замѣтны арабскія буквы. Но больше всего попадались разбитые сосуды сферической формы съ коническимъ дномъ изъ твердой глины съ орнаментомъ. Къ этой категоріи сосудовъ и относятся другіе сосуды, сдѣланные изъ такой-же глины, но сильно различавшіеся своей формою. Они представляютъ изъ себя, какъ можно судить по тѣмъ обломкамъ, которые у меня имѣются, нѣчто въ родѣ рыбы (голова, т. е. горлышко отбито). Тутъ же подобраны еще фрагменты богатаго типа сосудовъ изъ тонкой глины съ превосходнымъ орнаментомъ.

За чертой укрѣпленной части города, передъ сѣвернымъ рвомъ, на сѣверо-западномъ углѣ выдѣляется полузасыпанный курганъ, быть можетъ, прежніе передовые форты; ихъ отдѣляетъ ровъ, на днѣ котораго населеніе дѣлаетъ поскѣвы дынь или хлонка; тутъ были найдены бусы, мелкія кости человѣка и отбитый камень, напоминающій фалла. Не придавая особаго значенія этому камню, являющемуся, быть можетъ, игрой природы, я счелъ все таки нужнымъ въ виду его высокаго ритуаль-

наго значенія у древнихъ народовъ, въ Египтѣ и въ Греціи, о немъ упомянуть^{*)}).

О южномъ фронтѣ крѣпости почти не приходится говорить, такъ какъ онъ граничитъ съ рѣкой, которая тутъ протекаетъ широкая и быстрая, омывая высокій обрывъ, надъ которымъ нѣкогда стоялъ гордый Ахсыкентъ. По узкой полосѣ обрушившагося обрыва можно пройти нѣсколько сотъ шаговъ, рискуя ежеминутно упасть въ воду. Сажень 20 высоты надъ головой торчатъ глыбы лесса, готовые обрушиться; въ глубокихъ норахъ вертикальнаго обрыва голуби свили себѣ гнѣзда; въ прослойкахъ земли обрыва не замѣчается признаковъ разныхъ очаговъ культуры, какъ было мною сказано выше для Иски-Ахсы, и слѣдовательно этотъ городъ менѣе древній, чѣмъ только что упомянутый.

Подножіе обрыва усыяно обломками посуды и кирпичей. Такіе же слѣды разрушенія представляютъ овраги, прорѣзывающіе южный фронтъ. Доступъ къ нимъ не безопасенъ, т. к. потоки воды, пробивъ себѣ дорогу ниже дна оврага, образуетъ подземные ходы, потолокъ которыхъ состоитъ изъ тонкаго слоя лесса, ежеминутно готового обрушиться.

Изъ всего доложеннаго, собраніе можетъ видѣть, какой высокій археологическій интересъ представляютъ развалины Ахсыкента. Отъ прежней бурной жизни здѣсь ничего не осталось, кромѣ этихъ унылыхъ грудъ кирпичей, да обломковъ посуды; подъ самой крѣпостью на каменной подстилкѣ, среди мелкихъ кусковъ керамики, спокойно спятъ два туземца-лодочника, приставленные сюда для переезда на тотъ берегъ рѣдкихъ пассажировъ. Не тутъ ли была раньше переправа, соединявшая Ахсыкентъ, съ Бокандской дорогой. По этой дорогѣ подходили къ воротамъ Ахсыкента которые расположены на противоположномъ берегу. Не слышно болѣе былого шума нагруженныхъ товаромъ каравановъ и люд-

^{*)} Это множество овраговъ или рвовъ находятъ объясненіе въ запискахъ султана Бабера, гдѣ онъ говоритъ, что Омаръ-Шейхъ, ахсыкентскій владѣтель „нѣсколько разъ рылъ подальше новые овраги.

ского гомона, ихъ смѣнили назойливые, скрипучіе звуки чигиря хлопко-очистительнаго завода, который стоитъ недалеко по ту сторону рѣки противъ развалинъ древняго Ахсыкента.

Слѣды язычества среди туземцевъ въ окрестностяхъ Чуста,
Наманганскаго уѣзда.

Кому приходилось бывать въ Чустѣ и имѣть соприкосновеніе съ туземцами, тотъ не могъ не замѣтить, какъ сильно сохранились среди нихъ остатки прежнихъ языческихъ вѣрованій. Настоящее мое сообщеніе будетъ имѣть нѣкоторую связь съ таковымъ же, сдѣланнымъ недавно въ Туркест. Археологическомъ кружкѣ Н. П. Остроумовымъ. Объясненіе языческихъ обрядовъ, сохранившихся до сихъ поръ среди старой нетерпимости ислама, мы найдемъ путемъ примѣненія такъ называемаго метода сравнительной этнографіи.

Начну съ Кара-Кургана.

Кара-Курганъ это—небольшой кишлакъ въ Варзикской волости, въ верстахъ, 18 отъ Чуста на С., онъ расположенъ на Кокъ-Серекѣ, въ живописномъ мѣстѣ, у самыхъ горъ. Ядро населенія составляютъ таджики, но въ немъ встрѣчаются сарты и кипчаки. Въ религіозномъ отношеніи, онъ представляетъ изъ себя сплошную святыню. Выдающаяся скала, ручьи, деревья, озера, даже камни—все здѣсь свято. Кара-Курганъ славится своимъ мазаромъ, въ которомъ похороненъ мусульманскій святой Бабай Парадусъ или Байжанъ Ружная, по профессіи сапожникъ, потому то онъ и служитъ патрономъ всѣхъ сапожниковъ этой мѣстности. Разъ въ годъ, лѣтомъ, сапожники Чуста и окрестныхъ кишлаковъ пріѣзжаютъ на поклоненіе своему патрону и путемъ молитвъ входятъ съ нимъ въ общеніе.

Къ этому святому на богомолье ходятъ также два раза въ недѣлю туземныя женщины.

Жизнь этого святого довольно загадочна, такъ что никто изъ жителей хорошо не освѣдомленъ о ней. Одно только извѣстно, что этотъ святой дѣлалъ много добра; онъ работалъ не для себя, а для бѣдныхъ отдавая все, что онъ самъ зарабатывалъ. Впослѣдствіи онъ началъ лѣчить больныхъ, и къ скалѣ, на которой онъ устроилъ себѣ жилище, съ утра до вечера стекались несчастные, одержимые разными болѣзнями, и нуждающіеся просить у него помощи. Попасть въ его жилище дѣло не легкое, такъ какъ оно стоитъ на высокой выдающейся скалѣ, доступъ къ которой очень затруднителенъ. Послѣ смерти святого, его похоронили у подножья скалы. Мазаръ состоитъ изъ четырехугольной ограды изъ глины безъ крыши, среди которой находится могила святого. Она ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ сартовскихъ могилъ, только обиліе лоскутовъ, привѣшенныхъ къ шесту, воскъ и сажа отъ свѣчей указываютъ на признаніе святости погребеннаго. На его могилѣ лежитъ нѣсколько разноцвѣтныхъ камней, положенныхъ сюда поклонниками святого, совершившими предварительне на нихъ какой нибудь заговоръ. Рядомъ съ могилой построенъ домикъ въ одну комнату, служившую какъ бы прихожей мазара. Здѣсь богомольцы въ зимнее время собираются и укрываются отъ непогоды. Вездѣ на глинобитномъ полу замѣтны слѣды костровъ.

Нѣсколько шаговъ дальше, среди круга изъ большихъ камней, туземцы показываютъ огромный каменный котелъ изъ песчаника, имѣющій аршинъ въ діаметръ и около полутора аршина высоты. Онъ былъ наполненъ камнями или комками глины, принесенными набожными посѣтителями, въ видѣ „ex-voto“; такъ что котелъ представлялъ изъ себя нѣчто въ родѣ жертвенника. Поверхъ камней торчитъ нѣсколько тряпокъ и рѣдкія лучинки, обмотанныя ватой. По преданію въ этомъ каменномъ котлѣ святой Бабай Парадусъ, для котораго не было ничего невозможнаго, варилъ себѣ шурпу (супъ). Послѣ такого чуда понятно, почему туземцы такъ почитаютъ подобные предметы, служившіе нѣкогда святому.

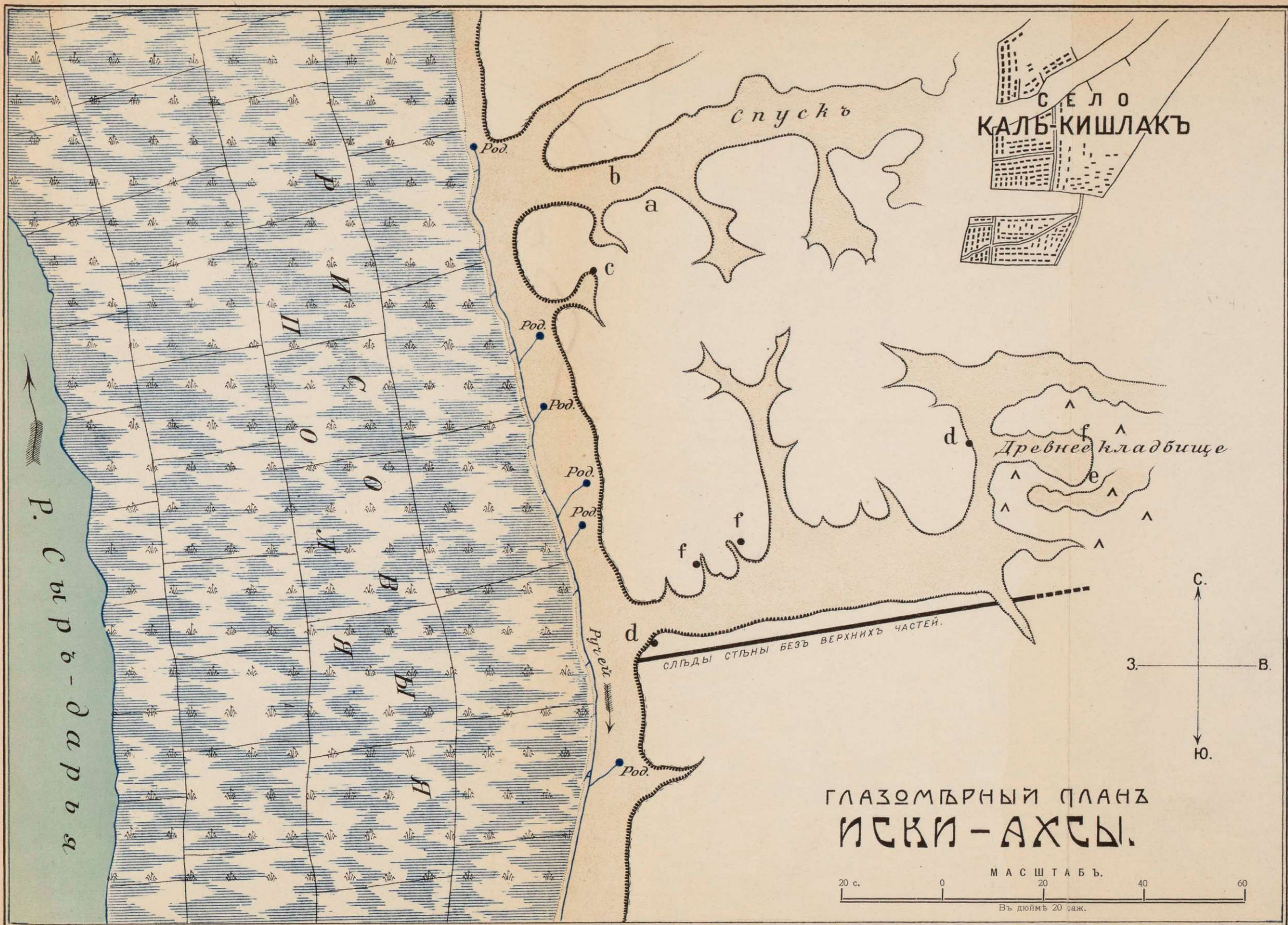
Тутъ же еще сложенъ изъ большихъ камней другой кругъ, священный кругъ, посреди котораго стоятъ нѣсколько реликвій святого. На камнѣ въ видѣ наковальни лежатъ два камня своеобразной формы; одинъ изъ нихъ черно-синяго цвѣта, совершенно гладкій и какъ бы полированный, напоминаетъ шляпу, другой—представляетъ изъ себя окаменѣвшую ногу, вокругъ которой обмотана бѣлая тряпка. По повѣрью нѣкоторыхъ туземцевъ, это нога святого, похороненнаго въ мазарѣ; другіе говорятъ, что эти камни служили святому предметами обихода и ремесла.

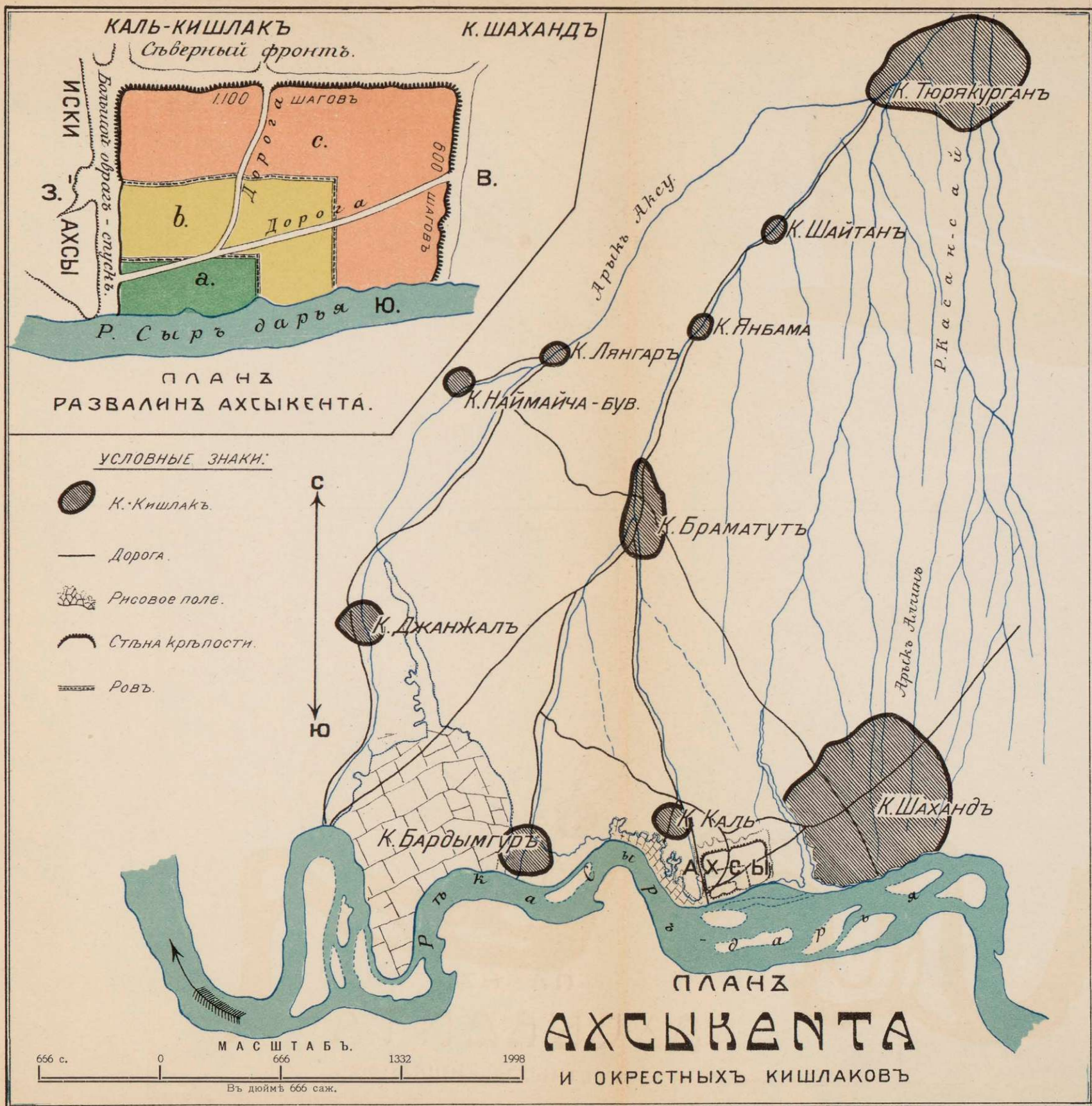
Какъ бы тамъ ни было, одинъ тотъ фактъ, что эти камни когда-то могли служить святому, придаетъ имъ особое значеніе. Извѣстно, какъ въ мусульманскомъ мірѣ и у всѣхъ народовъ вообще развитъ культъ всего того, что имѣло соприкосновеніе со святыми. По ихъ мнѣнію, въ предметахъ или реликвіяхъ, кроются невидимыя священные силы, которыми они пропитаны, и благотворное дѣйствіе которыхъ передается на все то, что окружаетъ эти предметы или ихъ касается.

Эта благотѣльная сила, извѣстная у арабовъ подъ именемъ „барака“, прежде всего витаетъ надъ могилой святого, но она распространяется также и на людей и на предметы, находящіеся по соседству, вотъ почему здѣсь, въ Кара-курганѣ все—святыня и почему стекается такъ много паломниковъ на могилу святого, къ очагу благотворной силы.

Чтобы выраженные подателемъ къ святому просьбы исполнились, нужно посѣтить его могилу, дотронуться до того, что онъ когда-то самъ трогалъ, и только такимъ образомъ частица его священной силы принесетъ пользу просителю. Мало того, чтобы войти со святымъ въ общеніе, нѣкоторые проглатываютъ щепотку земли, или пыли, подобранную на могилѣ, и это магическое дѣйствіе настолько сильно, что немало было больныхъ, которые послѣ этого чувствовали облегченіе.

Экстеріоризаціи силы святого, даже послѣ его смерти, мы найдемъ объясненіе въ разнообразныхъ приношеніяхъ вѣрующихъ на тѣ мѣста, гдѣ, по ихъ мнѣнію, находится благотворная сила, и ясно, что

прежде всего на могилѣ. Камешки, тряпки, рога, черепа бараньѣ или лошадиныя, принесенныя на могилу—ничто иное, какъ одинъ изъ видовъ матеріализаціи молитвы. На каждомъ изъ этихъ предметовъ жертвователъ мысленно излагаетъ какую-нибудь просьбу, и этотъ родъ, „ex-voto“, по его мнѣнію, служить посредникомъ между тѣломъ, которею его коснулось и благотворной силой святаго. Камни или тряпки, оставленныя въ вышеупомянутомъ котлѣ святаго или на его могилѣ продолжаютъ оказывать вліяніе на тѣло даже послѣ ухода просителя.

Нужно замѣтить, что по мнѣнію туземцевъ благотворная сила святаго оказываетъ благотѣльное проявленіе во всевозможныхъ случаяхъ, какъ при болѣзни такъ и на благополучный исходъ предпріятій.

Въ числѣ предметовъ, которые мнѣ удалось видѣть, въ только что упомянутомъ священномъ кругѣ, слѣдуетъ отмѣтить огарки свѣчъ, тоже своего рода „ex-voto“ и множество лучинокъ, всюду разбросанныхъ.

Лучинки играютъ большую роль въ ритуальномъ обиходѣ туземцевъ Туркестана. Обернутыя въ вату и обмокнутыя въ масло, онѣ служатъ средствомъ для умилостивленія духовъ во время болѣзни, (извѣстно, что болѣзни часто приписываются явленію разныхъ духовъ джинновъ, албасты, пери и т. п.). Посовѣтовавшись со знахаремъ—фольбеномъ, больной получаетъ предписаніе зажечь или просто оставить на могилѣ святаго нѣсколько такихъ лучинъ и читать при этомъ какую-нибудь молитву.

Употребленіе лучинокъ среди Кара-курганскихъ таджиковъ сильно распространено—ихъ называютъ „Нукча“, у сартовъ „Учь“. Зажигаются онѣ въ ночь съ четверга на пятницу, не только на могилѣ, но и на священныхъ мѣстахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, если ребенокъ заболѣлъ и постоянно плачетъ, для его успокоенія прибѣгаютъ къ лучинкамъ. Ихъ туго обматываютъ ватой и обкладываютъ ими люльку ребенка, затѣмъ ихъ поджигаютъ одновременно. Когда пламя, охватившее люльку ребенка, погаснетъ, онъ перестаетъ плакать и на время успокоится. Въ этомъ обрядѣ туземцы усматриваютъ средство для запугиванія злыхъ духовъ.

Проѣзжая черезъ кишлакъ Браматутъ, съ Ахсы шаханскимъ волостнымъ управителемъ, на перекресткѣ двухъ дорогъ, я засталъ человѣка, державшаго въ рукахъ лучинки, обмотанныя ватой. По объясненію волостного управителя, это былъ человѣкъ больной, исполнявшій приказаніе знахаря-фольбена. Лучинки эти онъ долженъ былъ зажечь на семи перекресткахъ и такъ, чтобы никто этого не видѣлъ.

Но вернемся къ Кара-Курганской святынѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ магическихъ круговъ, видѣется что-то въ родѣ землянки; это—молитвенникъ; шесть, водруженный у входа, сплошь покрытъ локутами, а извѣстно, что вывѣшиваніе тряпокъ, ключевъ волосъ и прочихъ предметовъ на шестахъ или на деревьяхъ, вблизи священныхъ мѣстъ, имѣетъ ритуальное значеніе. Происхожденіе этого обычая теряется во мракѣ вѣковъ, и его широкое примѣненіе указываетъ, насколько тѣсна связь идей между различными народами. Этотъ обычай встрѣчается повсѣмѣстно въ Туркестанѣ, въ Киргизской степи, въ Монголіи, во всѣхъ странахъ сѣверной Африки и Аравіи, у казанскихъ татаръ и у чувашъ.

Всѣ эти тряпочки, это—приношеніе «мазаръ» людей, желающихъ избавиться отъ какой-нибудь болѣзни, такъ какъ, по вѣрованію туземцевъ въ тряпку, привѣшенную къ дереву, вселяется и болѣзнь. Поэтому нельзя брать отсюда ни тряпочки, ни вообще какого-нибудь предмета, положеннаго на могилу, такъ какъ въ этомъ случаѣ, какъ мнѣ объяснилъ одинъ туземецъ-сартъ, будутъ болѣть руки или пропадетъ зрѣніе. Однако такія печальныя послѣдствія могутъ постигнуть только правовѣрныхъ мусульманъ: такъ напр. когда я изъявилъ желаніе пріобрѣсти рога, привѣшенные на мазарѣ Хатъ-Имана въ Ташкентѣ, хранитель мазара согласился на это, но съ условіемъ, что я самъ ихъ отцѣплю, ссылаясь на то, что рука его послѣ этого дѣйствія можетъ немедленно атрофироваться.

Еще большій интересъ здѣсь представляетъ расщелившаяся скала, въ отверстіе которой проходятъ, главнымъ образомъ, женщины, чтобы избавиться прежде всего отъ безплодія или какой-нибудь болѣзни.

Нѣчто подобное существовало, а, быть можетъ, и теперь практикуется въ Самаркандѣ, съ тою только разницею, что тутъ проходятъ подъ камнемъ, служившимъ нѣкогда подставкой для корана. Чтобы избавиться отъ безплодія, сартянки пролѣзаютъ между четырехгранными ножками, на которыхъ лежатъ плиты подставки.

О такомъ же обрядѣ упоминалъ Н. П. Остроумовъ на послѣднемъ засѣданіи кружка любителей археологіи (около мазара Бабаи-Мардокъ вблизи Заркента).

У подножія горы Кара-Курганской святыни растетъ нѣсколько деревьевъ, пользующихся большимъ почитаніемъ среди туземцевъ. На нихъ навѣшены тряпки и старое сѣдло. Особенно почитается старое, полузасохшее дерево на краю горнаго ручья, вода котораго считается чуть-ли не цѣлебной. На немъ лежатъ нѣсколько причудливыхъ камней разной величины, а также другая „окаменѣвшая“ нога святого. Въ стволѣ этого гнилого дерева посѣтителями оставляется „нукчу“, лучинки, которыя тутъ и зажигаются, отчего стволъ этого дерева полуобуглился.

Культъ деревьевъ настолько сильно сохранился среди туземцевъ, что даже старыя, давно засохшія деревья, не трогаются никѣмъ. Религіозный страхъ удерживаетъ ихъ отъ уничтоженія деревьевъ среди могилъ. Примѣромъ такого рода могутъ служить высохшія уже давно деревья на Шайхантаурскомъ кладбищѣ, въ старомъ Ташкентѣ и многочисленныя священныя рощи, изобилующія въ Туркестанѣ.

По этому поводу мнѣ вспоминается разсказъ одного офицера который, будучи на охотѣ въ окрестностяхъ Ташкента, остановился отдохнуть подъ большимъ деревомъ. Желая развести огонь для приготовленія чая, онъ попросилъ сарта срѣзать сухую вѣтку большого дерева, но этотъ послѣдній отказался, говоря, что трогать такое дерево—большой грѣхъ, и что это непременно принесетъ несчастье.

Изъ вышеизложеннаго видно, какой бесспорный этнографическій интересъ представляетъ Кара-Курганъ, а теперь я скажу нѣсколько словъ о Чустѣ и его священныхъ мѣстахъ.

Большой извѣстностью пользуется здѣсь мазаръ хазрета Мауляна-Буа (Лутфулла) съ уцѣлѣвшей входной аркой и фасадомъ внушительныхъ размѣровъ. На стѣнѣ около двери, лежатъ нѣсколько оригинальныхъ камней, а также отъ трехъ до 5 паръ роговъ. Мазаръ окруженъ зубчатой стѣной. Посрединѣ, подъ легкимъ навѣсомъ высоко поднимается могила Хазрета Мауляна, обложенная кирпичами на кирпичномъ же фундаментѣ. Вездѣ привѣшено огромное количество тряпочекъ, на одной изъ стѣнъ сдѣлано что-то въ родѣ ниши, куда посѣтители-поклонники ставятъ свѣчи. Копоть и сало отъ свѣчей покрываютъ дно и стѣны ниши.

Про Мауляна рассказываютъ что онъ былъ мударисомъ (преподавателемъ богословія), но послѣ возникшей между нимъ и стариками города распри, онъ былъ ими выдворенъ. На ишакѣ онъ выѣхалъ по направленію къ Намангану. Верстахъ въ 6-ти отъ Чуста онъ слѣзъ со своего ишака и сѣлъ на камень у дороги. Этотъ камень все еще виднѣется у края дороги, на томъ мѣстѣ, гдѣ начинается подъемъ къ Чусту; онъ весь покрытъ лоскутами, приношеніями прохожихъ. Другой вариантъ гласитъ, что онъ остановился выше на горѣ, тамъ, гдѣ виднѣются 3 дерева среди голой мѣстности. Это мѣсто называется „Туя-Тайде“, т. е. мѣстность спотыкающагося верблюда.

Къ мѣсту его остановки, молодые люди города Чуста пріѣхали за нимъ и просили его вернуться въ Чустъ. Тронутый ихъ вниманіемъ, онъ тогда имъ сказалъ, что желаетъ имъ въ молодости быть веселыми, шаловливыми и богатыми, но чтобы въ старости они обѣднѣли и сдѣлались бы врагами другъ другу. Другое преданіе гласитъ, что чустская молодежь весела и довольна жизнью потому, что она попросила Мауляна вернуться въ Чустъ, между тѣмъ, какъ старики бываютъ недовольными и всегда ссорятся между собою за то, что они его прогнали.

Впрочемъ, жизнь хазрета Мауляна подробно описана въ книгѣ подъ названіемъ: „Мена-Киба-Лутфулла“.

Недалеко отъ этого мазара имѣется другой, очень извѣстный мазаръ, хотя весьма скромнаго вида. Это такъ наз. Коттуръ-булакъ-мазаръ. Одержимые болѣзнию кожи ходятъ сюда лѣчиться. На могилѣ стоитъ старинный желѣзный свѣтильникъ (чирякъ), въ который пріѣзжіе ставятъ свѣчи или лучинки, предназначенныя для зажиганія. Послѣ обычныхъ ритуальныхъ молитвъ больные обходятъ нѣсколько разъ вокругъ могилы и говорятъ, что послѣ этого вылѣчиваются.

Большой извѣстностью пользуется еще мазаръ Куктунлыкъ-ата. Особенно онъ посѣщается чахоточными и вообще туземцами, страдающими отъ простуды, или отъ „кукъ-юталъ“, т. е. синяго кашля.

Огромный карагачъ растетъ у края могилы святого, и его вѣтки сплошь покрыты лоскутами. На одной даже виситъ веревка, снабженная петлею. И вотъ, послѣ того какъ имамъ прочиталъ причитаніе въ пользу больного, этотъ послѣдній подходитъ къ веревкѣ, пропускаетъ шею въ петлю и вѣшается, насколько хватаетъ силъ. Нерѣдко этотъ странный обрядъ кончается трагически, особенно, если причитающій имамъ медлитъ оказать ему существенную помощь. Освободивъ пациента отъ злополучной петли, имамъ опять причитаетъ, затѣмъ исполняетъ обрядъ дуновенія надъ больнымъ и велитъ отрывать ему отъ своей одежды клочки матеріи, которые онъ долженъ привѣшивать къ священному дереву. Если это не поможетъ, то больному даютъ глотать щепотку земли или пыли съ могилы святого.

По преданію Куктунлыкъ-ата былъ ученикъ какого-то святого изъ Ходжента. Въ Чустъ онъ прибылъ въ 900 году гиджры (1495 г. по Р. Х.) послѣ того, какъ онъ нѣкоторое время былъ имамомъ въ Меккѣ.

За городомъ въ очень живописномъ мѣстѣ находится священное озеро, оно окружено деревьями на которыхъ привѣшены тряпки. Это—жертвоприношеніе посѣтителей. Сюда стекаются молодыя женщины, главнымъ образомъ, для того, чтобы узнать свою судьбу. Для этого онѣ долго, пристально глядятъ на песокъ, покрывающій дно озера, и смотря по фигурамъ, которыя тамъ образуются отъ постоянного движенія мелкихъ частицъ, онѣ дѣлаютъ свои выводы. Поражаетъ коли-

чество кусковъ хлѣба, которые плаваютъ на поверхности воды. По объясненію туземцевъ оказывается, что каждый, кто прѣзжаетъ сюда, испытываетъ, насколько велики его грѣхи. Для этого онъ бросаетъ хлѣбъ въ воду, и если она забурлитъ, это значитъ, что за нимъ нѣтъ грѣховъ, въ противномъ случаѣ онъ грѣшникъ.

Еще существуетъ интересный обрядъ отъ сглазиванія: варзикскіе таджики обмазываютъ тѣло новорожденного глиной въ продолженіи двухъ-трехъ недѣль. Во всѣхъ этихъ обрядахъ можно усматривать отдѣльное эхо прежняго шаманства.

Этимъ, М. Г. и М. Г-ни сегодня я заканчиваю свое сообщеніе.

І. Кастанье.
